

ВЕСЬ В ДВИЖЕНИИ

В ленинградском издательстве «Искусство» готовится к печати книга актерских портретов, написанная критиком Р. Беньяш. Один из восьми героев книги — актер Академического Большого драматического театра С. Юрский, отмеченный первой премией на городском смотре театральной молодежи.

Мы печатаем отрывки из книги, посвященные С. Юрскому.

наидой Шарко, сыграть одну за другой несколько очень разных по настроению психологических миниатюр. После прозрачной драматической вещи, еще не остыв от нее, Юрский выходит на эстраду в злой, беспощадной карикатуре. Ему достаточно выпить глоток грудью колесом, так, чтобы вылезла колом крахмальная манишка, вбить голову прямо в скособоченные плечи, высунуть вперед несурзные, торчащие граблями руки — и все: портрет готов.

ЕСЛИ бы ему разрешили, он бы, вероятно, переиграл все роли во всех спектаклях. Творческая жадность у Юрского почти ненасытна.

Он играет так много, так разно и так неожиданно, что, даже привыкнув к его разнообразию, к широте его творческого диапазона, мы каждый раз удивляемся заново: неужели это тот самый актер, которого мы уже успели узнать?

Перевоплощение — самое естественное, вполне повседневное его состояние. Ему ничего не стоит в один и тот же вечер, отыграв большой и ответственный спектакль, не переводя дыхания, примчаться в Ленинградский дворец искусств и там, вдвоем со своей замечательной партнершей, одной из самых тонких актрис Зи-

наидой Шарко, сыграть одну за другой несколько очень разных по настроению психологических миниатюр. После прозрачной драматической вещи, еще не остыв от нее, Юрский выходит на эстраду в злой, беспощадной карикатуре. Ему достаточно выпить глоток грудью колесом, так, чтобы вылезла колом крахмальная манишка, вбить голову прямо в скособоченные плечи, высунуть вперед несурзные, торчащие граблями руки — и все: портрет готов.

На этом неуклюжем, разросшемся в ширину куске мяса прорезаны, как у человека, глаза, рот, отверстия носа. Взгляд остановившийся, глупый. Но даже глупость в нем неподвижная, монументальная. Эстрадный куплетист-ремесленник не то что высмеян в резком шарже — уничтожен. А вся эта злая и меткая пародия длится минуты полторы, максимум две...

Сергей Юрский занят чуть не во всех спектаклях своего театра. Он часто снимается в кино, много выступает в телевизионных постановках. Но всего этого ему мало. Его

энергия еще остается неизрасходованной. Он то готовит самостоятельный монтаж трагедии Шекспира «Юлий Цезарь», то включается в очередную работу студенческого театра, а то еще с полной отдачей будет репетировать новый номер в программе «капустной» (то есть пародийной) бригады.

Интенсивность Юрского — сущность его природы. Он в любую работу вкладывает всего себя и всякий раз, даже из пустяка, старается извлечь всю возможную глубину содержания. У него тонкая актерская интуиция, и он сразу угадывает обильные роли, ее пластику и ритм. Но всегда, во всем хочет добраться до самой сути и ищет ее неустанно, редко останавливаясь на том, что уже найдено.

УЖЕ две первые роли этого артиста, сыгранные в непосредственной близости одна к другой, определили два свойства его таланта — лиризм и острый гротеск. Олег Юрский в пьесе Розова «В поисках радости» был настолько же чист и бескомпромиссен, насколько отравлен цинизмом был его сверстник, итальянский мальчишка Пино. Один был изящным, но бездушным скептиком. Другой — поэтом, борцом за справедливость. Но и тот, и другой были отмечены глубиной раскрытия характера, точностью, острым чувством жанровой природы произведения.

...Без поисков представить себе Юрского невозможно. Он ищет всегда — неустанно и темпераментно, не зная успокоенности и удовлетворения найденным. Но его поиск, даже самый неожиданный и смелый, не имеет ничего общего с изыском. Независимо от результатов, более или менее полных, он всегда продолжает разрывать почву своей роли, добраясь до ее оснований и корней.

Он любит остроту характеров, но не изламывает их ради обязательного заострения. Он лепит их резко, не сглаживая, а подчеркивая, выделяя все углы и шероховатости. Но он не укладывает живой характер в формулу, как бы она ни привлекала своей законченностью и выпуклостью очертаний. Он уводит от формулы даже там, где есть прямой соблазн прийти к ней. Например, в Дживоле из произведения Брехта «Карьера Артуро Ui».

В этом хромом идеологе гитлеризма Юрский раскрывает страшную, дьявольскую силу. Раскрывает с таким поразительным лаконизмом и с такой снайперской точностью, когда каждый скупой жест, взгляд, сама неподвижность разят в цель, и только в цель, не отклоняясь от нее ни на один миллиметр.

В его подчеркнутой хромоте, плоском, линейном торсе, загадочной, ледяющей усмешке есть и впрямь что-то мефистофельское. Безукоризненно

элегантный и вытощенный, он прикрывает элегантностью свороченное нутро. Рассчитанную жестокость и холод души он прячет почти всегда за улыбкой. Но в его улыбке, врезанной в лицо, застывшее как гипс и как гипс неживое, — замораживающая, мертвящая сила. Он не просто помогает карьере Ui, он управляет ею. Но как-то незаметно, почти всегда отходя в тень. Истерия и судорога происходящего как будто не задевают его. Его силуэт так естественно безжизнен, так остро вычерчен и так застыл, что кажется восковым. Судорожной пляской смерти, которая все убыстряет свой ритм, дирижирует именно он, Дживола.

Так же точно он дирижирует и всей историей возвеличения гангстера Артуро Ui. Он выпускает его вперед не потому, что считает более достойным, но потому что сам предпочитает скрытую власть парадной. Калека нравственный и физический, он приспособился к своему уродству и считает его удобным оружием. Умный и саркастичный распорядитель злой постановки истории, он прячет свою ненависть под маской пренебрежительного равнодушия. И чем больше прячет, тем более она страшна.

Мастерство Юрского в роли Дживолы проявилось с тончайшей и точнейшей виртуозностью. Экономия средств доведена актером до крайности. Но сама по себе экономия для Юрского не цель, а средство. Он пользуется им по мере надобности, подбирая к каждой новой роли разные ключи, разную меру вещей.

Его Адам в «Божественной комедии», одетый в своеобразный полутренировочный, полустраданный костюм, похо-

жий на костюм знаменитого мима Марселя Марсо, поет наивные дуэты, танцует, пародирует классическое адажио и проделывает это с настоящим мастерством и даже блеском. Но при всем том Адам Юрского глубоко лиричен. Через весь спектакль он пронсит тему внутренней ответственности. Он очень мужествен, и это возлагает на него необходимость защитить более слабых.

Когда в сцене появления Евы зал дружно смеется, это естественно. Зрители узнают хорошо знакомую ситуацию, при которой женщина командует, а мужчина исполняет команду. Но так же естественно, что вскоре зал на какое-то время перестает смеяться. Потому что Адам Юрского не жалок и не покорен. Он подчиняется слабому именно потому, что чувствует свою силу. Это великодушнее сильного, а не покорность ничтожного.

...В «Океане», где актер играет Часовникова, он создает характер такой импульсивности и неуравновешенности, что само обилие красок становится законным приемом. Полная противоположность сосредоточенному и целеустремленному Платонову, Часовников Юрского, кажется, может в любую минуту взорваться от распирающих его противоречий.

Он все время мечется, чего-то ищет, что-то отбрасывает, к чему-то рвется, от чего-то отрешивается. Путь от наивного самоутверждения до искреннейшего самоотрицания он совершает буквально в течение нескольких минут. Не большее количество времени ему нужно и для того, чтобы проделать все это нравственное путешествие в обратном порядке. Он весь опутан заблуждениями, колебаниями, сомнениями. Но они так искренни и так безусловно далеки от корысти и личной выгоды, что

вызывают сочувствие даже при самой явной неправоте.

И, может быть, самое главное — всему, что делает, думает, чувствует Часовников Юрского, сопутствует, как точный аккомпанемент, естественный ход жизни. Ход, ни на секунду не отстающий от часовой стрелки нашего времени.

По этой стрелке живут и другие герои Сергея Юрского. Его нелепый Кюхля. Порывистый и горячий мечтатель Чацкий. Его удивительно человечный, пронзительно добрый, смешливый и мудрый старик Илько...

ЮРСКИЙ — актер, в котором почти парадоксально соединяются острый и характерный темперамент с лиризмом, сгущенный гротеск с мягкостью, рельефность, а если нужно, и жесткая вычерченность рисунка с чистосердечной горячностью. Точность и выверенность замысла никогда не убивают в нем непосредственности, а импровизационность жизни на сцене не отменяет предварительной отточенности. Вот случаи, когда требование Маршака, адресованное молодым писателям, осуществляется в каждой работе:

Красиво пишет первый ученик,

А ты предпочитаешь черновик,

Но лучше, если строгая строка

Хранит веселый жар черновика.

...Я представляю себе, что у Юрского могут быть неудачи, — у кого же их не бывает! Но я никак не могу представить себе его равнодушным или банальным...

Он весь в движении. И если нельзя, да едва ли и нужно, предсказывать в каком, или, вернее, в каких направлениях он будет идти, одно можно сказать безошибочно: он будет идти.

Остановка ему противопоказана.

Р. БЕНЬЯШ
На снимке: Сергей Юрский в роли Илько в спектакле «Я, бабушка, Илько и Илларион».

Сцена, Ленинград, 1964, 24 июня